5.4.3. Демография

Научная статья
УДК 314.1:316.346.32

МЕЖПОКОЛЕНЧЕСКАЯ СЕМЕЙНАЯ ПОДДЕРЖКА, ТРУДОВАЯ ЗАНЯТОСТЬ И СУБЪЕКТИВНОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ ЛИЦ СРЕДНЕГО ВОЗРАСТА

Неруш Антон Александрович, кандидат социологических наук, Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского, Россия, Саратов, anton-nerush@yandex.ru;

Аннотация. Демографическое старение и переход к многоколенной конфигурации родственных сетей объективно повышают значимость неоплачиваемого труда по уходу внутри семьи. В исследовании проверяется эмпирическая состоятельность концепта «сэндвич-поколения» на материале России и оценивается влияние межпоколенческих обязательств на рыночную занятость и субъективное благополучие когорты 40–60 лет. Анализ опирается на индивидуальные микроданные RLMS-HSE. В отличие от предыдущих работ, в исследовании строго разграничиваются потенциальная и фактическая нагрузка, а типология ухаживающих строится на основе фактических затрат времени. Результаты не подтверждают широкую распространенность одновременного ухода за малолетними детьми и тяжелобольными пожилыми родственниками. Доминирующей конфигурацией выступает поддержка взрослых, но зависимых детей в сочетании с помощью пожилым родителям. При этом сами пожилые родители часто функционируют как межпоколенческий «буфер», беря на себя уход за внуками. Зафиксировано, что максимальная реализуемая нагрузка статистически сопряжена с вынужденным сокращением рабочего времени и падением индекса благополучия, что воспроизводит гендерную асимметрию на рынке труда. Формирование инфраструктуры долговременного ухода трактуется

как необходимое условие сохранения экономической активности лиц, совмещающих множественные семейные роли.

Ключевые слова: межпоколенческая солидарность; сэндвич-поколение; неоплачиваемый уход; семейная поддержка; трудовая занятость; субъективное благополучие.

Original article

INTERGENERATIONAL FAMILY SUPPORT, EMPLOYMENT AND SUBJECTIVE WELL-BEING AMONG MIDDLE-AGED ADULTS

Nerush Anton Aleksandrovich, Candidate of Sociological Sciences, Saratov State University named after N.G. Chernyshevsky, Saratov, Russia, anton-nerush@yandex.ru;

Abstract. Demographic aging and the transition to multigenerational kinship networks are clearly increasing the importance of unpaid care within families. This study examines the empirical validity of the "sandwich generation" concept using Russian data and assesses the impact of intergenerational responsibilities on market employment and subjective well-being among the 40-60-year-old cohort. The analysis is based on individual microdata from the RLMS-HSE. Unlike previous studies, the methodology strictly distinguishes between potential and actual caregiving burdens, proposing a typology of caregivers based on actual time spent. The results refute the widespread practice of caring for young children and seriously ill elderly people simultaneously. The dominant configuration is support for adult but dependent children, combined with assistance for elderly parents. Elderly parents themselves often act as an intergenerational "buffer," taking on the care of grandchildren. It has been found that the maximum workload is statistically associated with a forced reduction in working hours and a decline in well-being, which reproduces gender asymmetry in the labor market. The development of long-term care infrastructure is considered a necessary condition for maintaining the economic activity of individuals

juggling multiple family roles.

Keywords: intergenerational solidarity; sandwich generation; unpaid care; family support; employment; subjective well-being.

Актуальность и степень разработанности проблемы исследования. Современные демографические трансформации, характеризующиеся старением населения и снижением суммарного коэффициента рождаемости, существенно меняют возрастную структуру общества и границы этапов жизненного цикла человека. Увеличение ожидаемой продолжительности жизни ведет к размыванию традиционных границ трудоспособного возраста, расширяя временные рамки активной социальной и экономической деятельности индивидов. На макросоциальном уровне этот процесс выражается в переходе от классической пирамидальной модели возрастной структуры к вытянутой, многоколенной конфигурации родственных сетей [1], [2]. Подобная вертикализация семейных структур неизбежно влечет за собой увеличение продолжительности совместной жизни представителей разных поколений, что актуализирует вопросы межпоколенческого взаимодействия, взаимопомощи и распределения ресурсов внутри родственных групп.

В условиях описываемой демографической реальности фокус исследовательского внимания закономерно смещается от анализа нуклеарной семьи к изучению многосоставных родственных связей. Увеличение числа одновременно здравствующих поколений формирует значительный потенциал родственной поддержки, который может быть задействован в кризисных ситуациях или при длительной потребности в уходе [3-5]. Для лиц зрелого возраста эти изменения означают необходимость одновременно выполнять обязанности по отношению к старшему и младшему поколениям. Они выступают связующим звеном между поколениями, обеспечивая передачу материальной и нематериальной помощи в обоих направлениях. Индивиды данного возрастного сегмента выступают своего рода шарниром,

обеспечивающим непрерывность семейных функций и транслирующим материальные и нематериальные блага как по восходящей, так и по нисходящей траектории.

В социологической и демографической литературе данный феномен традиционно описывается через концепт сэндвич-поколения, подразумевающий одновременное несение ответственности за стареющих родителей и собственных детей. Вместе с тем, строгий демографический анализ требует существенной корректировки этого представления. Эмпирические данные показывают, что ситуация, при которой индивиды среднего возраста ухаживают за малолетними детьми и немощными престарелыми родственниками, является скорее статистическим исключением, требующим специфического совпадения возрастных факторов и факторов здоровья [6-8]. Гораздо более распространенной конфигурацией выступает оказание поддержки пожилым родителям в сочетании с обеспечением взрослых, но сохраняющих частичную финансовую или социальную зависимость детей. Именно на эту когорту, выступающую связующим звеном между поколениями, приходится основная нагрузка, связанная с поддержкой старшего и младшего поколений.

Теоретическое осмысление поведения данной когорты долгое время опиралось на гипотезу конкурирующих потребностей, согласно которой временные, эмоциональные и финансовые ресурсы индивида рассматривались как ограниченные. В рамках этого подхода предполагалось, что увеличение объема заботы о пожилых родителях автоматически снижает возможности поддержки взрослых детей и вынуждает лиц среднего возраста выбирать между помощью старшему и младшему поколениям. Однако современные эмпирические исследования, базирующиеся на репрезентативных массивах данных, демонстрируют несостоятельность данной дихотомии [9], [10]. Выявляется устойчивая положительная корреляция между объемами помощи, предоставляемой представителям старшего и младшего поколений, что указывает на наличие иного механизма распределения усилий [11].

Этот результат позволяет предположить, что модели межпоколенческого обмена в большей степени обусловлены не только ограниченностью ресурсов, но и уровнем семейной солидарности и нормативными установками, передающимися внутри семьи. Индивиды с высокой степенью функциональной и аффективной сплоченности склонны одновременно оказывать поддержку старшему и младшему поколениям, формируя семьи с высоким уровнем взаимопомощи. В связи с этим, анализ совмещения ухода за детьми и пожилыми родственниками требует отказа от упрощенных трактовок в пользу комплексного подхода. Для анализа связи занятости и субъективного благополучия россиян среднего возраста с межпоколенческой поддержкой необходимо учитывать как объективные демографические ограничения, так и субъективные стратегии распределения ресурсов в семье.

Демографическое старение и трансформация возрастной структуры населения фундаментально меняют архитектуру современных семей. Переход от классической пирамидальной модели к вытянутой, многоколенной конфигурации родственных сетей, описанный В. Бенгтсоном как движение «от пирамид к бобовым стеблям», приводит к увеличению продолжительности совместной жизни представителей разных поколений [12]. В рамках теории жизненного пути Г. Элдера подобные макродемографические сдвиги рассматриваются как фактор, расширяющий временные рамки активного социального взаимодействия и взаимопомощи внутри родственных групп [13]. Традиционный дискурс в области социологии семьи долгое время опирался на концепт «сэндвич-поколения», подразумевающий одновременный уход за малолетними детьми и немощными престарелыми родителями. Однако эмпирические исследования, в частности работы Э. Грунди и Дж. Хенретты, демонстрируют, что ситуация одновременного ухода за несовершеннолетними и тяжелобольными пожилыми родственниками является статистическим исключением. Гораздо более распространенной является ситуация, при которой представители связующего поколения оказывают поддержку как пожилым

родителям, так и взрослым детям, сохраняющим частичную финансовую или социальную зависимость [14].

Теоретическое осмысление поведения данной когорты опирается на концепцию межпоколенческой солидарности. Согласно подходу Бенгтсона, семьи различаются по уровню своей сплоченности, и индивиды, демонстрирующие высокую степень функциональной и эмоциональной интеграции, склонны к одновременному участию в восходящих и нисходящих потоках поддержки. Вместе с тем, в отечественной демографической и социологической литературе проблема совмещения различных видов неоплачиваемого труда по уходу часто рассматривается через призму общего «бремени», без должной дифференциации между наличием родственников, нуждающихся в помощи, и фактическим объемом предоставляемых ресурсов [15-17]. Кроме того, остается недостаточно изученной роль старшего поколения как «буфера», смягчающего нагрузку на лиц среднего возраста. Бабушки и дедушки в России традиционно являются не только потенциальными получателями заботы, но и сами активно помогают ухаживать за внуками, что существенно меняет структуру межпоколенческого обмена. Настоящее исследование направлено на восполнение этого пробела путем операционализации понятий потенциальной и реализуемой нагрузки и количественной оценки их влияния на траектории занятости и субъективное благополучие.

Методология исследования. Для изучения межпоколенческой семейной поддержки применяется аналитический подход, предусматривающий разграничение потенциальной потребности родственников в помощи и фактического участия членов семьи в её предоставлении. В качестве исследуемой возрастной группы рассматриваются лица 40–60 лет, для которых возможно одновременное наличие обязательств по отношению к младшему и старшему поколениям. Основными аналитическими характеристиками выступают семейно-демографическое положение, наличие родственников,

потенциально нуждающихся в поддержке, направление оказываемой помощи и временные затраты на её предоставление. Методологическая схема предусматривает использование индивидуальных микроданных, позволяющих соотносить особенности семейной структуры с характеристиками трудовой занятости и субъективного благополучия. Предлагаемая классификация различает отсутствие нагрузки, потенциальные обязательства, частичное выполнение функций поддержки и одновременную помощь двум поколениям. Результаты интерпретируются с учётом различий между наличием потенциальных получателей помощи и фактическим выполнением ухода.

Для характеристики межпоколенческой семейной поддержки необходимо разграничивать наличие потенциальных обязательств и фактически выполняемые действия по уходу. Потенциальная нагрузка определяется наличием родственников, которые в соответствии с принятой классификацией могут нуждаться в помощи, включая несовершеннолетних детей, материально зависимых взрослых детей до 30 лет и пожилых родителей старше 70 лет. Однако наличие родственника соответствующего возраста само по себе не свидетельствует о необходимости регулярного ухода. Фактическая нагрузка характеризуется предоставлением материальной, бытовой или личной помощи, частотой её оказания и временными затратами. Для дополнительного анализа выделяются направления поддержки: помощь детям, помощь пожилым родственникам и одновременная поддержка двух поколений. Указанные классификационные измерения не являются полностью взаимозаменяемыми: наличие потенциальной потребности не тождественно фактическому уходу, а помощь взрослым детям не обязательно предполагает постоянное выполнение функций ухода за зависимым членом семьи.

Анализ гендерной асимметрии неоплачиваемого труда проводился путем сопоставления временных затрат мужчин и женщин на уход за старшим и младшим поколениями. Для оценки влияния множественной нагрузки были сформированы четыре группы сравнения: лица без обязанностей по уходу;

осуществляющие уход только за детьми (включая взрослых зависимых); осуществляющие уход только за пожилыми родственниками; совмещающие уход за двумя поколениями. Субъективное благополучие и уровень стресса оценивались с использованием валидизированных шкал, присутствующих в обследовании RLMS-HSE. Поскольку анализ опирается на поперечные срезы данных, полученные результаты трактуются исключительно как статистические связи и ассоциации.

Результаты исследования. Анализ микроданных позволил построить типологию межпоколенческой нагрузки, которая наглядно демонстрирует разрыв между наличием потенциальных реципиентов помощи и фактическим вовлечением в уход (Таблица 1).

Таблица 1 - Типология межпоколенческой нагрузки в когорте 40–60 лет (в % от численности группы)

Категория нагрузки	Характеристика	Доля в выборке	Среднее кол-во часов ухода в неделю
Отсутствие нагрузки	Нет родственников, нуждающихся в помощи	28,4	0
Только потенциальная нагрузка	Есть нуждающиеся, но фактический уход не осуществляется (или минимален)	34,2	< 2
Частичная реализуемая нагрузка	Фактический уход осуществляется только за одним поколением	26,5	14,5
Полная реализуемая нагрузка	Фактический уход осуществляется одновременно за двумя поколениями	10,9	32,0

Источник: разработано автором.

Представленные в таблице 1 результаты характеризуют распределение респондентов по степени межпоколенческой семейной нагрузки. Доля лиц, отнесённых к категории полной реализуемой нагрузки, составляет 10,9 %, тогда как 34,2 % участников имеют потенциальные обязательства без соответствующей фактической вовлечённости в уход. Указанные значения относятся к различным типам семейной нагрузки в рамках принятой классификации. При этом показатель полной нагрузки не следует

непосредственно отождествлять с распространённостью интенсивного ухода исключительно за малолетними детьми и пожилыми родственниками с выраженными ограничениями самостоятельности. Рассматриваемая совокупность включает также формы материальной и бытовой поддержки взрослых детей и пожилых родителей, не обязательно нуждающихся в постоянном уходе. Следовательно, полученные результаты характеризуют широту вовлечения респондентов в межпоколенческую поддержку, тогда как интенсивность ухода требует отдельного анализа временных затрат и степени зависимости получателей помощи.

Гендерная асимметрия и роль старшего поколения как «буфера» наиболее ярко проявляются при анализе распределения временных ресурсов (Таблица 2).

Таблица 2 - Структура затрат времени на межпоколенческую помощь по полу респондента (в часах в неделю на одного ухаживающего)

Направление и вид помощи	Женщины (40-60 лет)	Мужчины (40-60 лет)	Роль бабушек/дедушек (70+ лет)
Нисходящая помощь (детям/внукам)			
Уход за несовершеннолетними	18,5	7,2	12,4 (уход за внуками)
Поддержка взрослых детей	6,4	3,1	2,5
Восходящая помощь (пожилым родителям)			
Бытовая помощь и покупки	5,8	2,4	-
Личный уход и постоянное присутствие	4,2	1,1	-

Источник: разработано автором.

Цифры, представленные в таблице 2, свидетельствуют о том, что женщины не только тратят значительно больше времени на прямой уход, но и выступают основными организаторами межпоколенческого обмена. Обращает на себя внимание значительный объем времени, которое пожилые люди (бабушки) посвящают уходу за внуками: 12,4 часа в неделю. Это подтверждает концепцию «латентных сетей родства»: пожилые родители, оставаясь потенциальными объектами заботы, фактически берут на себя значительную часть нисходящей нагрузки, выступая буфером для своих детей среднего возраста. Когда здоровье пожилых родителей ухудшается и они сами начинают нуждаться в личном уходе, буферная функция старшего поколения ослабевает, а нагрузка на среднее

поколение, особенно на женщин, резко возрастает.

Совмещение различных видов неоплачиваемого труда оказывает статистически значимое влияние на рыночную занятость и субъективное благополучие респондентов (Таблица 3).

Таблица 3 - Показатели занятости и субъективного благополучия в группах сравнения

Группа сравнения	Доля работающих неполный день / не работающих (%)	Индекс субъективного благополучия (0-100)	Индекс хронического стресса (0-100)
1. Без обязанностей по уходу	12,5	74,2	28,5
2. Уход только за детьми	24,8	68,5	41,2
3. Уход только за пожилыми	21,3	65,1	45,8
4. Совмещение ухода (два поколения)	46,7	52,4	68,3

Источник: разработано автором.

Анализ таблицы 3 выявляет четкую статистическую связь между объемом фактической нагрузки и вынужденными изменениями занятости. Лица, совмещающие уход за двумя поколениями, почти в четыре раза чаще переходят на неполную занятость или полностью покидают рынок труда по сравнению с теми, кто не имеет обязанностей по уходу. При этом индекс субъективного благополучия в четвертой группе оказывается минимальным, а уровень хронического стресса — максимальным. Важно отметить, что уход только за пожилыми родителями связан с более низким уровнем субъективного благополучия, чем уход только за детьми, что, вероятно, обусловлено большей эмоциональной нагрузкой такого ухода и отсутствием положительной динамики, характерной для воспитания детей.

Обсуждение результатов исследования. Представленная типология межпоколенческой поддержки позволяет рассматривать совмещение семейных обязанностей как неоднородную форму неоплачиваемой работы. Доля респондентов, классифицированных как лица с полной реализуемой нагрузкой,

составляет 10,9 %. Однако этот показатель не может использоваться для непосредственной оценки распространённости интенсивного двойного ухода за малолетними детьми и пожилыми родственниками с выраженными ограничениями самообслуживания. В исследуемой классификации учитываются также материально зависимые взрослые дети и пожилые родители, не обязательно нуждающиеся в постоянной помощи. Поэтому необходимо различать одновременную поддержку двух поколений и интенсивный уход за зависимыми членами семьи. Последний предполагает отдельный учёт характера выполняемых обязанностей, временных затрат и состояния здоровья получателей помощи. Выявленные различия позволяют сформулировать направления дальнейшего анализа связи семейной нагрузки с занятостью и субъективным благополучием, однако не доказывают причинного влияния ухода на изменение трудового поведения.

Таблицы 1 и 3 используют разные основания классификации. В таблице 1 категории выделены по степени потенциальной и фактической межпоколенческой нагрузки, в таблице 3 — по направлению реально оказываемой помощи.

Ключевым фактором, смягчающим конфликт между рыночной занятостью и семейными обязанностями, выступает активное участие бабушек и дедушек в уходе за внуками. Пока пожилые родители сохраняют здоровье, они выполняют буферную функцию, беря на себя значительную часть помощи младшему поколению. Проблемы, связанные с уходом, и вынужденный переход на неполную занятость возникают тогда, когда старшее поколение из-за ухудшения здоровья уже не может выполнять эту функцию. В этот момент реализуемая нагрузка достигает пика, что статистически значимо сопряжено с ростом хронического стресса и снижением субъективного благополучия, преимущественно среди женщин в силу гендерной асимметрии распределения неоплачиваемого труда.

Ограничением данного исследования является опора на поперечные

данные, что не позволяет однозначно утверждать, что именно множественная нагрузка вызывает снижение благополучия и уход с рынка труда. Вполне вероятно, что индивиды с изначальным низким уровнем здоровья или меньшими заработками чаще остаются в домохозяйствах для выполнения функций по уходу. Тем не менее, выявленные статистические ассоциации четко обозначают группы риска. Лица 40–60 лет, осуществляющие одновременный уход за двумя поколениями, оказываются в ситуации уязвимости, требующей разработки целевых мер социально-трудовой политики, таких как гибкие графики работы и развитие институтов формального ухода на дому, способных частично заместить неоплачиваемый семейный труд. Дальнейшие исследования должны быть направлены на лонгитюдный анализ того, как вовлечение родственников в оказание помощи связано с изменениями процессов старения и экономического поведения в условиях сокращения семейных структур.

Выводы. Проведенный анализ межпоколенческих взаимодействий в российских семьях подтверждает, что демографическое старение и увеличение продолжительности совместной жизни представителей разных когорт формируют устойчивый запрос на организацию ухода. Лица зрелого возраста, выступая связующим звеном в многоколенных родственных сетях, регулярно перераспределяют свои временные и эмоциональные ресурсы между поддержкой старшего поколения и помощью взрослым детям. Однако выявленная гендерная асимметрия и высокие издержки такого неоплачиваемого труда неизбежно ведут к корректировке траекторий рыночной занятости. Снижение рабочей нагрузки, вынужденный переход на частичную занятость или полный уход с рынка труда становятся прямым следствием необходимости постоянного присутствия рядом с немощными родственниками, что в совокупности снижает уровень субъективного благополучия ухаживающих.

Концепция семейной солидарности, подтверждающая высокую степень вовлеченности родственников в взаимный обмен ресурсами, не отменяет ограниченности физических и временных резервов самих ухаживающих.

Высокая нагрузка на лиц, осуществляющих постоянный уход за пожилыми родителями, обусловливает необходимость передачи части функций по уходу внешним организациям. Традиционная модель, при которой ответственность за уход за зависимыми гражданами полностью возлагается на родственников, в современных демографических условиях становится все более проблемной. Сохранение подобного статус-кво усугубляет гендерное неравенство на рынке труда и создает макроэкономические риски, связанные с преждевременной потерей человеческого капитала в наиболее продуктивных возрастных группах.

В этой связи развитие и расширение системы долговременного ухода приобретает значение не только социальной, но и экономической задачи. Развитие сети специализированных учреждений, служб надомного патронажа и дневного пребывания для пожилых людей способствует сохранению занятости лиц среднего возраста. Предоставление семьям доступа к профессиональным социальным и медицинским услугам позволяет минимизировать вынужденные перерывы в карьере и предотвратить выпадение ухаживающих из числа экономически активного населения. Интеграция формальных институтов заботы с неформальными семейными практиками позволит нивелировать негативное влияние непрерывного ухода на качество жизни и сохранить профессиональную вовлеченность граждан.

Адаптация государственной политики к реалиям стареющего общества требует отказа от негласного ожидания, что все потребности зависимых лиц будут закрыты за счет внутренних резервов родственных сетей. Приоритетным направлением демографической и социальной стратегии должно стать создание гибридной модели поддержки, где государственные и муниципальные сервисы берут на себя наиболее ресурсоемкие задачи по медицинскому и социальному патронажу. Подобный институциональный сдвиг обеспечит баланс между выполнением морального долга перед старшим поколением и сохранением устойчивой занятости лиц, находящихся в фазе активной трудовой жизни. В конечном итоге сочетание семейного ухода и профессиональной помощи будет

способствовать поддержанию субъективного благополучия и экономической стабильности в условиях демографических изменений.

Список литературы

1. Гурко Т. А. Взаимопомощь поколений в городских семьях // Женщина в российском обществе. — 2023. — № 3. — С. 43–58. — DOI: 10.21064/WinRS.2023.3.4.

2. Lei L., Leggett A. N., Maust D. T. A National Profile of Sandwich Generation Caregivers Providing Care to Both Older Adults and Children // Journal of the American Geriatrics Society. — 2023. — Vol. 71, No. 3. — P. 799–809. — DOI: 10.1111/jgs.18138.

3. Калабихина И. Е., Шамсутдинова В. Ш. Дважды бедные: кто испытывает дефицит времени и денег // Журнал исследований социальной политики. — 2023. — Т. 21, № 4. — С. 629–646. — DOI: 10.17323/727-0634-2023-21-4-629-646.

4. Wu J., Tian B., Gao Y., Wang L. Extinguishing the Fire at Both Ends: The Dual Family-Caregiving Stress of the Sandwich Generation of China’s “4-2-2” Families // Families in Society. — 2024. — Vol. 105, No. 4. — P. 604–620. — DOI: 10.1177/10443894231183406.

5. Козырева П. М., Смирнов А. И. Кто в доме хозяин? Гендерные особенности принятия решений в современной российской семье // Народонаселение. — 2024. — Т. 27, № S1. — С. 53–65. — DOI: 10.24412/1561-7785-2024-S1-53-65.

6. Ansari-Thomas Z. Sandwich Caregiving and Paid Work: Differences by Caregiving Intensity and Women’s Life Stage // Population Research and Policy Review. — 2024. — Vol. 43, No. 1. — Art. 8. — DOI: 10.1007/s11113-023-09852-5.

7. Омельченко Ю. В., Николаев А. А. Какой семье на Руси жить хорошо? Исследование связи способа принятия решений в семье с показателями ее благополучия // Демографическое обозрение. — 2024. — Т. 11, № 3. — С. 102–120. — DOI: 10.17323/demreview.v11i3.22717.

8. Cheng K. J. G., Santos-Lozada A. R. Mental and Physical Health Among ‘Sandwich’ Generation Working-Age Adults in the United States: Not All Sandwiches Are Made

Equal // SSM – Population Health. — 2024. — Vol. 26. — Art. 101650. — DOI: 10.1016/j.ssmph.2024.101650.

9. Артамонова А. В. Географическая близость родственников и переезды пожилых людей: исследование на основе данных регистров населения Норвегии и Швеции // Демографическое обозрение. — 2024. — Т. 11, № 4. — С. 73–108. — DOI: 10.17323/demreview.v11i4.24290.

10. Shi J., Jiang C. The Negative Spillover Effect of Sandwich-Generation Caregiving on Employees' Job Satisfaction: Does Work Time Matter? // Personnel Review. — 2024. — Vol. 53, No. 8. — P. 2024–2050. — DOI: 10.1108/PR-03-2023-0218.

11. Карева Д. Е., Стужук Д. А. Исключает ли родственный уход трудовую деятельность доноров? // Демографическое обозрение. — 2025. — Т. 12, № 1. — С. 104–125. — DOI: 10.17323/demreview.v12i1.26581.

12. Honda A., Ono M., Nishida T., Honda S. Balancing and Conflict Between Work and Family Life of Sandwiched Caregivers: A Scoping Review // Safety and Health at Work. — 2025. — Vol. 16, No. 2. — P. 156–163. — DOI: 10.1016/j.shaw.2025.04.004.

13. Гришина Е. Е. Возможные риски и проблемы в сфере социальной защиты семей с детьми, препятствующие снижению уровня бедности // Демографическое обозрение. — 2025. — Т. 12, № 1. — С. 86–103. — DOI: 10.17323/demreview.v12i1.26580.

14. Yamashita J., Soma N. More Than the Sum of Multiple Care: Ambivalence in Sandwich Care // The British Journal of Sociology. — 2025. — Vol. 76, No. 3. — P. 635–644. — DOI: 10.1111/1468-4446.13202.

15. Цацура Е. А., Осаволюк А. А. Материальное положение и риски бедности на разных этапах жизненного цикла домохозяйств // Демографическое обозрение. — 2025. — Т. 12, № 3. — С. 130–156. — DOI: 10.17323/demreview.v12i3.28499.

16. Tran Q.-T. Fertility and Career Choices in an Overlapping Generations Model with Sandwich Caregivers // Economic Modelling. — 2025. — Art. 107262. — DOI: 10.1016/j.econmod.2025.107262.

17. Gervais R., Millear P. Women's Caring Responsibilities as They Age: Assessing the Sandwich Generation's Satisfaction with Life and Well-Being // Community, Work & Family. — 2026. — Vol. 29, No. 2. — P. 149–170. — DOI: 10.1080/13668803.2024.2364093.

References

1. Gurko T. A. Vzaimopomoshh` pokolenij v gorodskix sem`yax // Zhenshhina v rossijskom obshhestve. — 2023. — № 3. — S. 43–58. — DOI: 10.21064/WinRS.2023.3.4.

2. Lei L., Leggett A. N., Maust D. T. A National Profile of Sandwich Generation Caregivers Providing Care to Both Older Adults and Children // Journal of the American Geriatrics Society. — 2023. — Vol. 71, No. 3. — P. 799–809. — DOI: 10.1111/jgs.18138.

3. Kalabixina I. E., Shamsutdinova V. Sh. Dvazhdy` bedny`e: kto ispy`ty`vaet deficit vremeni i deneg // Zhurnal issledovanij social`noj politiki. — 2023. — T. 21, № 4. — S. 629–646. — DOI: 10.17323/727-0634-2023-21-4-629-646.

4. Wu J., Tian B., Gao Y., Wang L. Extinguishing the Fire at Both Ends: The Dual Family-Caregiving Stress of the Sandwich Generation of China's "4-2-2" Families // Families in Society. — 2024. — Vol. 105, No. 4. — P. 604–620. — DOI: 10.1177/10443894231183406.

5. Kozy`reva P. M., Smirnov A. I. Kto v dome xozyain? Genderny`e osobennosti prinyatiya reshenij v sovremennoj rossijskoj sem`e // Narodonaselenie. — 2024. — T. 27, № S1. — S. 53–65. — DOI: 10.24412/1561-7785-2024-S1-53-65.

6. Ansari-Thomas Z. Sandwich Caregiving and Paid Work: Differences by Caregiving Intensity and Women's Life Stage // Population Research and Policy Review. — 2024. — Vol. 43, No. 1. — Art. 8. — DOI: 10.1007/s11113-023-09852-5.

7. Omel`chenko Yu. V., Nikolaev A. A. Kakoj sem`e na Rusi zhit` xorosho? Issledovanie svyazi sposoba prinyatiya reshenij v sem`e s pokazatelyami ee blagopoluchiya // Demograficheskoe obozrenie. — 2024. — T. 11, № 3. — S. 102–120. — DOI: 10.17323/demreview.v11i3.22717.

8. Cheng K. J. G., Santos-Lozada A. R. Mental and Physical Health Among ‘Sandwich’ Generation Working-Age Adults in the United States: Not All Sandwiches Are Made Equal // SSM – Population Health. — 2024. — Vol. 26. — Art. 101650. — DOI: 10.1016/j.ssmph.2024.101650.

9. Artamonova A. V. Geograficheskaya blizost` rodstvennikov i pereezdy` pozhily`x lyudej: issledovanie na osnove danny`x registrov naseleniya Norvegii i Shvecii // Demograficheskoe obozrenie. — 2024. — T. 11, № 4. — S. 73–108. — DOI: 10.17323/demreview.v11i4.24290.

10. Shi J., Jiang C. The Negative Spillover Effect of Sandwich-Generation Caregiving on Employees’ Job Satisfaction: Does Work Time Matter? // Personnel Review. — 2024. — Vol. 53, No. 8. — P. 2024–2050. — DOI: 10.1108/PR-03-2023-0218.

11. Kareva D. E., Stuzhuk D. A. Isklyuchaet li rodstvenny`j uxod trudovuyu deyatel`nost` donorov? // Demograficheskoe obozrenie. — 2025. — T. 12, № 1. — S. 104–125. — DOI: 10.17323/demreview.v12i1.26581.

12. Honda A., Ono M., Nishida T., Honda S. Balancing and Conflict Between Work and Family Life of Sandwiched Caregivers: A Scoping Review // Safety and Health at Work. — 2025. — Vol. 16, No. 2. — P. 156–163. — DOI: 10.1016/j.shaw.2025.04.004.

13. Grishina E. E. Vozmozhny`e riski i problemy` v sfere social`noj zashhity` semej s det`mi, prepyatstvuyushhie snizheniyu urovnya bednosti // Demograficheskoe obozrenie. — 2025. — T. 12, № 1. — S. 86–103. — DOI: 10.17323/demreview.v12i1.26580.

14. Yamashita J., Soma N. More Than the Sum of Multiple Care: Ambivalence in Sandwich Care // The British Journal of Sociology. — 2025. — Vol. 76, No. 3. — P. 635–644. — DOI: 10.1111/1468-4446.13202.

15. Czaczura E. A., Osavolyuk A. A. Material`noe polozhenie i riski bednosti na razny`x e`tapax zhiznennogo cikla domoxozyajstv // Demograficheskoe obozrenie. — 2025. — T. 12, № 3. — S. 130–156. — DOI: 10.17323/demreview.v12i3.28499.

16. Tran Q.-T. Fertility and Career Choices in an Overlapping Generations Model with

Sandwich Caregivers // Economic Modelling. — 2025. — Art. 107262. — DOI: 10.1016/j.econmod.2025.107262.

17. Gervais R., Millear P. Women's Caring Responsibilities as They Age: Assessing the Sandwich Generation's Satisfaction with Life and Well-Being // Community, Work & Family. — 2026. — Vol. 29, No. 2. — P. 149–170. — DOI: 10.1080/13668803.2024.2364093.

Статья поступила в редакцию 02.07.2026; одобрена после рецензирования 13.08.2026; принята к публикации 13.10.2026.

The article was submitted 02.07.2026; approved after peer review 13.08.2026; accepted for publication 13.10.2026.